

Эти слова Хуай Янь выплёвывал по букве, процеживая сквозь сжатые зубы вместе с кровью. Сердце Сян Мо отозвалось внезапной, тупой болью — будто по нему со всей силы ударили кулаком.

Мэн Нин торопил его, стоя рядом:

— Сян Мо, пойдём отсюда. Завтра я схожу с тобой в приют к детям. Если ты хочешь жить здесь, я перееду обратно вместе с тобой.

Голос Мэн Нина звучал вкрадчиво, почти гипнотически. Сян Мо постепенно отстранился от резкой боли. В его памяти всплыло привычное: Мэн Нин всегда заботился о нём, всегда успокаивал. Нахлынули сильные, удушающие чувства — воспоминания утверждали, что он безумно любит Мэн Нина и не имеет права его предать.

В голове Сян Мо образовалась звенящая пустота.

— Не надо переезжать, — глухо отозвался он. — Останемся у тебя.

Хуай Янь, слушавший всё это, наконец потерял остатки терпения. С зазвеневшим сталью звуком он выхватил нож:

— Вы меня за святого держите? Или решили, что я уже в гробу?

— Ты вообще... — начал было Мэн Нин, но Хуай Янь не намеревался выслушивать этот дребезжащий, бесплотный голос, похожий на шипение поднявшегося из могилы мертвеца.

Он резко выбросил ногу вперёд, с размаху ударив Мэн Нина прямо в грудь.

— Заткнись, — процедил Хуай Янь.

Мэн Нин был щуплым, изнеможённым годами работы в подземной лаборатории. Получив удар в полную силу, он вскрикнул, отлетел назад, с грохотом снёс стул и рухнул на пол, выхаркнув сгусток крови.

— Ты что делаешь?! — Сян Мо не ожидал такой вспышки.

Он кинулся к Мэн Нину, помогая тому подняться, и с ледяным гневом уставился на Хуай Яня:

— Это мой дом. Проваливай отсюда, иначе я вызову полицию.

Хуай Янь издал короткий, издевательский смешок. Медленно подошёл к прижавшимся друг к

другу мужчинам и опустил на корточки. Глаза его опасно сощурились, а хищный изгиб губ придал изящному лицу кровожадное выражение. Острие клинка всё ещё было наставлено на Мэн Нина.

Решив, что Хуай Янь намеревается ударить, Сян Мо мгновенно перехватил его запястье и крутанул, заламывая руку.

Хуай Янь поморщился от боли, но пальцев не разжал. В короткой, яростной схватке лезвие развернулось, направившись прямо в грудь Хуай Яню.

Сян Мо заметил это. При виде блеснувшего перед лицом чужого тела лезвия у него перехватило дыхание. Внезапный страх, что клинок вопьётся в Хуай Яня, заставил его мгновенно разжать пальцы.

Натиск спал. Хуай Янь по инерции дёрнулся — и клинок полоснул Сян Мо по предплечью.

— Осторожно! — вскрикнул Мэн Нин, но лезвие уже распорол пуховик. В воздух взвился белый пух, мгновенно окрасившийся алой кровью.

Хуай Янь отдёрнул руку, замирая. Ему и в страшном сне не могло присниться, что оружие, подаренное Чжу Чэньюанем, однажды ранит его самого.

Из подъезда донёсся суматошный гул тяжёлых шагов. Ци Елян с людьми был уже на пороге — Хуай Янь успел подать условный знак.

Хуай Янь не терпел чужаков в своём доме, поэтому Ци Елян постоянно держался неподалёку, совмещая поиски с охраной. Стоило отправить короткий сигнал — и отряд появлялся мгновенно.

Ворвавшись в квартиру, Ци Елян увидел Хуай Яня с почерневшим от боли лицом и Сян Мо, зажимавшего окровавленную руку.

Окинув беглым взглядом тесный гостинный пяточок, Ци Елян моментально оценил обстановку. Из троих присутствующих один был его боссом, второй — мужем босса. Поэтому, не тратя времени на расспросы, он развернулся к третьему, незнакомому типу и со всей дури заехал ему сапогом в грудь:

— Ты откуда вообще вылез, мразь? Решил здесь свои правила устанавливать?!

Мэн Нин закатил глаза и отключился. Сян Мо даже не успел заслонить его.

— Что вам вообще нужно?! — с яростью выкрикнул Сян Мо, глядя на Ци Еяна и хмурых

бойцов, заполнивших комнату. Зажимая рану, он дёрнулся было к Мэн Нину, но Хуай Янь мёртвой хваткой вцепился в его целую руку.

— Сделаешь ещё хоть шаг — и я не ручаюсь, что твой приятель останется жив.

Произнеся эти угрозы, Хуай Янь почувствовал, как к горлу подкатывает жгучий ком. Докатился: чтобы удержать любимого, приходится угрожать ему чужой жизнью.

«Ничего... Это не его вина, — мысленно успокаивал себя Хуай Янь. — Он просто ничего не помнит».

Сян Мо замер. Застыв на месте, он бросил на Ци Еяна тяжёлый взгляд:

— Не трогайте его.

Ци Елян растерянно перевёл взгляд на босса:

— Брат Янь, да что с ним такое?

— Он снова всё забыл.

Ци Елян онемел.

Хуай Янь молча снял с Сян Мо порванный пуховик и усадил его на диван. В этой квартире он знал каждый угол, поэтому без труда достал из выдвижного ящика в спальне аптечку.

Сян Мо наблюдал за тем, как чужак хозяйничает в его доме. Странно, но это не вызывало никакого отторжения — и сам он даже не отдал себе в этом отчёта.

Хуай Янь опустился на одно колено подле дивана. Осторожно закатав рукав свитера Сян Мо до самого локтя, он обнажил крепкое, иссечённое глубокой царапиной предплечье. Рана кровоточила. Задев лишь верхние ткани, лезвие всё же оставило длинный алый след. Хуай Янь щёлкнул замочками аптечки и достал ватный тампон с антисептиком.

Сян Мо не сопротивлялся. Он молча смотрел сверху вниз на человека, аккуратно обрабатывающего рану. Он видел, как дрогнули пушистые ресницы мужчины, стоит ему взглянуть в повреждённую кожу; видел покрасневшие, полные затаённой боли глаза.

Хуай Янь стирал кровь с его руки. Пальцы случайно задевали чувствительную кожу на запястье. Сян Мо чувствовал тепло его подушечек и видел, как эти пальцы слегка дрожат.

Сян Мо отвёл взгляд. Резкая саднящая боль на предплечье неожиданно начала заполнять зияющую пустоту внутри его груди, принося странное, почти болезненное удовлетворение.

Опомнившись от этой дикой мысли, Сян Мо раздражённо вытащил из кармана пачку, подцепил сигарету и сжал её губами. Пошарив по карманам и не найдя зажигалки, так и остался сидеть с незажжённой.

Закончив с обработкой раны, Хуай Янь убрал аптечку. Достал из пачки Сян Мо вторую сигарету, прикурил от зажигалки, найденной под журнальным столиком, и сделал несколько глубоких затяжек, выдыхая густой дым прямо ему в лицо.

— Дай огоньку, — процедил Сян Мо сквозь зубы.

Хуай Янь, удерживая сигарету в уголке рта, слегка вскинул подбородок, снизу вверх глядя на Сян Мо. Он наглядно давал понять: «Закуривай так», — но отдавать зажигалку даже не думал.

Охваченный табачной жадой, Сян Мо махнул рукой на условности. Наклонившись, он прижал кончик своей сигареты к алому огоньку на сигарете Хуай Яня и, прищурившись, сделал сильную затяжку.

Сизый дым окутал их лица, точно невидимая паутина, связывая воедино и медленно затягивая петлю.

Почувствовав, что земля уходит из-под ног, Сян Мо поспешно отпрянул и откинулся на спинку дивана, уводя тело от нависшей, незримой катастрофы.

Мэн Нин всё ещё не приходил в себя. Рядом с ним истуканом стоял детина из охраны.

Сян Мо кивнул сигаретой в сторону бессознательного тела:

— Отпусти его. Я сделаю всё, что попросишь.

Хуай Янь затянулся, слизнул языком сухой табачный налёт с губ и усмехнулся:

— А если я скажу, что хочу утащить тебя домой и привязать к своей кровати? Тоже согласишься?

Сян Мо растерялся:

— Я же повторяю: я не Чжу Чэнь...

— Ты Чжу Чэньюань, — жёстко перебил Хуай Янь. — А я — Хуай Янь. Мы были знакомы год и прожили в браке три года. Три года назад ты пропал без вести у Подземной реки, и я считал тебя погибшим. Пока несколько месяцев назад не встретил тебя в одном из номеров борделя на улице Миинь. Я узнал тебя с первого взгляда. Я не мог ошибиться...

— Я был ранен. Перенёс операцию. Я не помню ничего из того, что происходило со мной в последнее время.

Сян Мо сжал сигарету пальцами и с силой втиснул кулак в мучимый болью висок. Он пытался вспомнить. Имя «Хуай Янь» не вызывало в памяти ровным счётом ничего. Сколько бы он ни копался в себе — там была лишь звенящая пустота.

Спустя мгновение головы Сян Мо коснулась резкая боль. Сперва она колола частыми иглами, но мгновенно разрослась в невыносимый, раскалывающий череп спазм. На лбу выступил холодный пот. Сян Мо сжал голову руками, согнувшись пополам, словно надломленный тростник.

Поняв, что это очередной приступ, вызванный вмешательством в мозг, Хуай Янь подскочил и подхватил Сян Мо, который уже сползал с дивана на пол.

Смертельно побледнев, Хуай Янь крикнул:

— Лао Ци! Звони врачам! И приведи этого ублюдка в чувство! Живо!

Ци Елян не стал медлить: набрав номер, он отволок бессознательного Мэн Нина в ванную и окатил ледяной водой из душа.

— Не пытайся вспомнить! Перестань! — Хуай Янь стискивал в объятиях корчащегося Сян Мо, вытирая ладонью липкий пот с его лба. — Всё в порядке, не помнишь — и не надо! Не думай об этом, брось!

Мокрый до ниточки Мэн Нин, едва придя в себя, был вытащен обратно в комнату. Взглянув на Сян Мо, он понял, что начался откат, и поспешно выудил из кармана пальто пузырёк:

— Лекарство... Дай ему лекарство!

Хуай Янь одной рукой удерживал Сян Мо, а второй мёртвой хваткой вцепился в горло подскочившего Мэн Нина:

— Что это за дрянь?!

— Кхм... кх... Обезболивающее, — захрипел тот. — Я делал ему операции. И три года назад, и

два месяца назад! Никто не знает его организм лучше меня!

Мэн Нин смотрел на Хуай Яня сквозь слёзы. Он был твёрдо уверен: Хуай Янь не станет рисковать жизнью Сян Мо. На посиневшем, искривлённом от удушья лице Мэн Нина проступила зловещая ухмылка, полная ядовитой зависти и злорадства:

— Если хочешь, чтобы он сдох от боли — давай, души меня!

Сян Мо на диване глухо стонал, иступлённо шепча: «Лекарство... дайте... обезболивающее...». Рана на его предплечье снова раскрылась, окрашивая светлую обивку дивана алой юшкой. Его ногти до крови въелись в ладонь Хуай Яня.

Хуай Янь сжал пальцы на шее Мэн Нина ещё сильнее. Но когда лицо того багрово почернело и глаза снова начали закатываться, Хуай Янь брезгливо выбил пузырёк из его рук и разжал пальцы.

— Дозировка?!

— Две... таблетки... — Мэн Нин валился на пол, заходясь надрывным кашлем.

Вытряхнув две пилюли, Хуай Янь протолкнул их в рот Сян Мо. Ци Елян тут же подал стакан воды.

Приняв лекарство, Сян Мо немного затих. Хуай Янь принёс горячее влажное полотенце, обтёр его бледное, липкое от пота лицо, заново запеленал рану на руке, а затем укутал его мягким пледом из спальни. Поглаживая его по спине, он баюкал его, словно дитя.

Препарат подействовал: приступ отступил, и Сян Мо, свернувшись калачиком, погрузился в глубокий сон.

Хуай Янь впервые видел этот ад своими глазами. Вот, оказывается, через какую муку проходил Сян Мо.

Всякий раз, когда он изо всех сил пытался вспомнить Хуай Яня, боль терзала его без жалости.

Вскоре прибыли медики — не уличные коновалы с Миинь, а проверенные врачи, которых Хуай Янь заранее держал наготове. Осмотрев Сян Мо, они подтвердили: прямой угрозы жизни нет, пациенту нужен полный покой.

Хуай Янь высыпал несколько таблеток на ладонь. Прежние белые пилюли, отправленные им на анализ, оказались нейролептическими анальгетиками, угнетающими кору головного мозга. Их систематический приём влёк неизгладимые последствия: отупение, провалы в памяти,

необратимые органические поражения.

Эти же таблетки отличались — они имели желтоватый оттенок.

— Что это за состав? — Хуай Янь ткнул пальцем в Мэн Нина.

— Тоже нейродепрессанты, но модифицированные, без прежнего токсического эффекта, — прохрипел Мэн Нин, всё ещё зажимая сорванное горло. — Знаешь, почему я не стал запира́ть Сян Мо на экспериментальной базе? Да потому что мне плевать на ваши встречи! Ты никогда не рискнёшь его жизнью. За три года мои нейрохирургические методики шагнули далеко вперёд. Сян Мо никогда больше о тебе не вспомнит. Забудь.

Мэн Нин оскалился:

— Если ты действительно желаешь ему добра, прекрати его провоцировать. Отпусти нас.

Едва сдерживая желание скрутить мерзавцу шею, Хуай Янь лишь ледяно усмехнулся.

Никуда они не уйдут. Ни один из них.

Лишь когда Сян Мо окончательно пришёл в себя, Хуай Янь увёз его с улицы Миинь.

Мэн Нина утащили люди Ци Еяна намного раньше, так что Сян Мо оставалось лишь безропотно следовать за своим спутником.

Из-за ремонта дороги Ци Еян пустил машину в объезд — мимо кладбища Подземного города. Когда они проезжали массивные ворота некрополя, Хуай Янь велел припарковаться у обочины.

— Выходи, — сказал Хуай Янь.

Сян Мо не шелохнулся, отвернувшись к окну.

Но стоило Хуай Яню открыть рот, намекая на судьбу Мэн Нина, как Сян Мо неохотно сдвинулся с места, толкнул дверцу и вышел вслед за ним.

Достав из багажника тяжёлый молот, Хуай Янь направился в глубину мемориального парка.

Огромное кладбище утопало в полумраке. Тусклые фонари вырывали из тьмы бесконечные

ряды надгробий, отливавших мертвенным свинцом. Над землёй клубился холодный, хмурый туман.

Хуай Янь знал здесь каждую тропинку. За последние три года он исходил этот некрополь вдоль и поперёк.

Сян Мо следовал за ним петляющими дорожками, пока они не остановились у одинокой могилы. С фарфорового овального портрета на надгробии смотрел Чжу Чэньюань.

Вглядевшись в лицо на фотографии, Сян Мо обомлел. Человек на портрете был его точной копией.

В этой могиле не было тела. Под слоем земли покоилась лишь шинель Чжу Чэньюаня.

Когда-то они разговаривали о смерти. Чжу Чэньюань тогда смеялся: человеческий век нынче долг, а он ни за что не оставит Хуай Яня одного — не сможет отпустить его руку, поэтому доживёт с ним до глубокой старости.

На похороны три года назад пришло множество народу. Кажется, каждый считал своим долгом произнести банальное «держись», вокруг раздавались фальшивые соболезнования и пустой шепоток.

А потом все разошлись. Хуай Янь остался один. Он стоял на коленях перед сырой землёй, не в силах оторвать взгляда от портрета.

Чжу Чэньюань смотрел на него так же, как при жизни — пылко, открыто, не таясь. Хуай Янь обожал его взгляд: когда Чжу Чэньюань смотрел на него, весь остальной мир прекращал существование.

Этот снимок Хуай Янь сделал случайно. Чжу Чэньюань тогда только вернулся после двухнедельного рейда — ему дали редкий трёхдневный отпуск.

Изголодавшись по ласке за полмесяца разлуки, Чжу Чэньюань не выпускал его из объятий до самого утра. На следующий день Хуай Янь так и не смог встать на работу, проснувшись лишь к обеду.

Чжу Чэньюань возился в саду с клумбами, о чём-то вполоборота беседуя с Анно. Анно толковывал ему, как правильно поливать цветы и подкармливать почву.

Хуай Янь вышел на крыльцо и окликнул его. Чжу Чэньюань обернулся и мгновенно расцвёл в улыбке. Именно этот момент и запечатлел объектив.

Хуай Янь не помнил, сколько пробыл на кладбище в день похорон. Спустилась ночь, зажглись тусклые фонари. Он приложил ладонь к холодному граниту: человек на фотографии продолжал улыбаться — всё так же искренне, всё так же горячо.

Тогда, после вести о гибели Чжу Чэньюаня, Хуай Янь заплакал впервые. Он прижался лбом к камню, опустил дрожащие губы на глянцевый снимок.

«Чжу Чэньюань... ты ведь обещал быть рядом... Как ты мог бросить меня сейчас? Впереди ещё целый век... Что мне делать одному все эти годы?..»

Воспоминания отозвались тупой болью. Хуай Янь прикрыл глаза. А когда открыл — не произнёс ни слова. Вскинув тяжёлый молот, он со всей силы обрушил его на гранитную плиту.

Камень с треском раскололся. Во все стороны полетели чёрные осколки, пара из них угодила по обуви Сян Мо.

Портрет Чжу Чэньюаня был вмонтирован в плиту. Хуай Янь бережно отыскал уцелевшее фото среди обломков, сдул пыль, заботливо протёр ладонью и убрал в нагрудный карман. Завершив это, он поднял взгляд на Сян Мо.

Глаза Сян Мо отличались от глаз Чжу Чэньюаня. В них застыла отстранённая, туманная пустота.

В них отражался Хуай Янь — и в то же время Хуай Яня там не было.

Хуай Янь исказился в горькой, изломанной улыбке:

— Раз человек жив, то и могиле здесь делать нечего. Нечего привлекать беду.

<http://bllate.org/book/20433/2145563>